

БЕРЕНДЕЙ

На скамье, устроенной у забора, сидел седовласый деревенский мужичок – Николай Амосов. Некстати вспомнилось ему, как в детстве не любил он своего отца – сурового, нелюдимого человека по прозвищу Берендей.

Гордей Амосов воевал на Западном фронте. В сорок третьем отделе-ние попало в окружение, и он в числе многих был взят в плен. Вплоть до сорок шестого работал у немецкого фермера (бауэра) – ухаживал за свиньями, спал там же в закутке на соломе и от бескормицы иногда ел из свиного корыта. Побои и унижения зародили в душе злобу, которая росла, росло и желание совершить побег.

Об исходе войны услышал от американцев, освободивших его. Был препровожден на родину. Да не тут-то было! Не приняла его родина с распростертыми объятьями: угодил в следственный изолятор при воинской части, откуда мобилизовался на войну. Начались дознавательства: при каких обстоятельствах попал в плен, где находился, с кем имел контакт? Чудом выпустили лишь год спустя. Видно, ничего путного не выпытали у темного полуграмотного крестьянина и решили: пусть отправляется к себе в деревню, пашет землю и растит хлеб.

Гордей устроился плотником в совхоз. Довольно быстро женился, приведя в родительский дом тихую покорную женщину. Схоронил вскоре мать (отец сгинул в военное лихолетье), начал обустривать личное подворье: начал рубить новый скотный двор – приземистый, но добротный. Чудно, как-то не по-здешнему, устраивал внутреннюю часть строения. Лишь когда запустил в новый хлев скотину, стало ясным назначение различных приспособлений. Плен в фашисткой Германии не прошел даром. Гордей ненавидел теперь всех немцев, во всяком признавая недобитого фашиста, но все полезное, рациональное, что подсмотрел у немецкого крестьянина, воплотил в своем хозяйстве.

Год от года росла семья Гордея. Трех сыновей и двух дочерей родила Ефросинья.

Основательно отстроив дом и надворные постройки, он выбился в лесничии. Аскетически сухой, сутулый, вся его непропорционально сложенная фигура, словно старая раскладушка, как-то тяжело и неестественно сгибалась в суставах. Скупой, немногословный и неприветливый, ходил он по деревне в парусиновом выгоревшем на солнце плаще. Соломенная шляпа котелком без полей удлиняла и без того продолговатое лицо с тяжелой нижней челюстью. Лес-

ными угодьями Гордей распоряжался скупой, будто личное отрывал от сердца. Бывало, при отводе делян выделял односельчанам самые гиблые места: в болотине либо с сухостоєм.

Мучились потом мужики, раскалывая витую сырую древесину, понося лесника последними словами. Кто-то бросил в сердцах: «Ровно Берендей в собственном царстве распоряжается!» С тех пор прилипло к нему прозвище Берендей.

КОЛЬЧА КРАСНОЕ СОЛНЫШКО

Последыш Колька появился в семье Амосовых, когда Ефросинье шел уже сорок седьмой год, а Гордею минуло пятьдесят. Парнишка уродился в мать – светлый волосом и глазами, добрый и жалостливый. Гордей с раннего детства, видя в сыне такие задатки, ворчал недовольно: «На что ты только сгодишься, все лыбишься, как красное солнышко!» Брошенные отцом слова, увязанные со светлой душой и выгорающей за лето до белизны головой мальчика, дали повод называть его Кольча Красное Солнышко.

Как-то весной Кольча отправился с ребятами на заливные луга за полевым луком. Ушли километров за шесть. Возвращаясь домой с охапками сочного лука, ребята спрямили путь через осинник. Вдруг сопровождавшая их собака Жучка, убежав вперед, залилась звонким лаем. Ребята поспешили следом. За кустом чахлого ивняка открылась жуткая картина: полинялый исхудавший заяц, неизвестно когда попавший передними

лапами в капкан. Трава в досягаемой для зайца зоне была съедена до кореньев, обглоданы комли ивняка. Заяц вяло реагировал на лай собаки, тяжело и часто дышал, вытянув безвольно задние лапы. Мальчишки окружили зайца. Кольча запричитал:

– Заинька, миленький, сейчас я тебе помогу, – разжал скобки, замкнувшие заячьи лапы, вытащил капкан. Заяц слабо шевельнулся, но остался лежать на месте. – Он, наверное, пить хочет, – жалостливо взглянул Кольча на дружков.

В Кольчины ладони щедро налили воды из бутылки. Он подсунул ладошки зайцу под нос. Русак оживился и быстро-быстро стал лакать. Затем опять уткнулся носом в землю, прижав к голове длинные уши. Передние лапы косога безнадежно перебитые в косточках были неестественно вывернуты. Кто-то сказал:

– Все равно издохнет, пошли.

– Не издохнет. Я его вылечу, мамка поможет, – заявил Кольча. – Вы только мой лук понесите, а я зайца.

Кольча нес косога, стараясь не причинить бедолаге лишней боли. Кто-то еще принимал участие в Кольчиной затее, кто-то откровенно смеялся:

– Кольча он и есть Кольча – Красное Солнышко! Охота тебе возиться с этим облезлым зайцем, все равно он подохнет.

Кольча все больше отставал, мальчишки ворчали:

– Давай быстрее, связались с тобой!

У Кольчи уже затекли руки, в плечах и в позвоночнике будто кол забит. Не в силах больше терпеть, он присел, опустив зайца на поляну:

– Вы идите, я догоню.

Лишь к вечеру приплелся Кольча домой. Кое-как отворил калитку ограды. Отец встретил сына прямо у крыльца:

– Где тебя носит целый день? Чтоб в два счета вода в бане была!

– Я зайца принес, лапы ему капканом перебило. Положу в стайке в кормушку, вылечу.

– Чего?! – грозно ступил Гордей Кольке навстречу. – Ишшо этой дохлятины в хлеву не хватало! – он безжалостно схватил зайца за задние лапы и, размахнувшись, ударил головой о рубленый угол дома.

У Кольчи сами собой затряслись губы, жалкая гримаса перекосила лицо. Он бросился сломя голову к сеновалу, взобрался по лестнице и, уткнувшись в сено, горько заплакал. У него все еще ныли руки от усталости, в горле пересохло от жажды, обиды и ненависти.

Гордей кричал внизу:

– Слезай, надень бабью юбку, не то сопли некуда складывать! Ур-родился же на мою голову!

Только по синим сумеркам мать смогла уговорить Кольчу пойти в дом. Всю ночь он прометался в горячечном бреде. Мать не отходила от его постели, меняла мокрую повязку на лбу. Тихо гладила по голове, причитала:

– Дитяtko ты мое сердобольное, трудным тебе век покажется. И зачем ты только в меня уродился? Каково в этой жизни придется?!

Колька вскрикивал, поднимался на локтях:

– Он пить хочет!

Ефросинья подставляла сыну стакан с водой к губам. Кольча жадно сглатывал, кричал снова:

– Дайте ему воды!

Гордей поднялся, разбуженный суетой:

– Чего тут у вас? Выспаться не дадут как следует!

Ефросинья, не раз попадавшая под горячую, безжалостную руку супруга, впервые в жизни повысила на него голос:

– Угробил парнишку, еще ворчишь!

– Чего?! Голос прорезался, что ли? – он шагнул по направлению к лежащему на постели Кольче. Ефросинья заступила ему дорогу:

– Тут богу молишься, как бы малец до утра дожил, а тебе хоть бы что!

– Поговори у меня, ишь хвост распустила!

В комнату зашли старшие дети – студентка Анна и Миша, недавно вернувшийся из армии. Анна тихо, но твердо сказала:

– Не кричи на маму.

– И ты мне указывать?! Молоко еще не обсохло, отцу пенять! Это ты их распустила, – яростно огрызнулся Гордей. – Что ж ты, дочь дорогая, если грамотная стала, работать не идешь? Небось к отцу на лето прикатали!

– Если хочешь знать, не к тебе, а к маме прикатила!

– Городи заборы-те, рассказывай небылицы! Опять с хахалем фашистским выдаешься?! Не бывать в моем доме фрицев!

– Ты чего, отец, разбушевался?

– И ты туда же?! – ярился Гордей.

Сын не отвел прямого взгляда, не удостоил отца ответом, напротив, будто его тут и не было, обратился к матери:

– Ма, может к фельдшеру сбегать?

– Погодим еще с часик, сынок, я его смородиновым взваром наполнила с иван-чаем, должно помочь.

Колька, наконец, успокоился, испариной покрылось лицо, мокрые волосы прилипли ко лбу, только кисти рук все вздрагивали, непроизвольно сжимались в кулаки.

– Воюет меньшей! – улыбнулся Миша. – Значит, к житью!

ПРОЩАНИЕ С МАТЕРЬЮ

Мысли обрывочно выхватывали из памяти события давно минувших дней. Вспомнил, как сестра Анна вопреки воле отца вышла замуж за немца. Гордей лютовал, не пускал молодых на свой порог. А Кольча ходил к ним тайком, водился с родившимся племянником.

Вспомнил, как провожали его в армию. Как убивалась мать, жалея своего последыша. Видно, сердцем чуяла, что не свидеться им больше на этом свете. Увозили Кольчу на крытой пологом машине. Мать плакала, мелко-мелко крестила его вслед. Встав у заднего борта, он все махал ей рукой, пока ее согбенная фигура не скрылась из вида.

Вспомнил горькие, прощальные проводы ее на погост. Как опаздывал он, отозванный с учений. Как бежал по кладбищу, видел, что похоронная процессия уже продвинулась к могиле. Кто-то вскрикнул:

– Никак солдат бежит! Глядите-ка, Кольча Красное Солнышко! Успел малый, уж как она его ждала!

– Погодите, дайте парню с матерью проститься, – загалдели женщины. – Иди Коленька, посиди около, – кто-то подставил табурет.

Колька приблизился к самому гробу. Тупо смотрел на застывшее отчужденное лицо матери. Никогда он не видел ее такой пригожей. Образ ее в солдатских снах приходил в застиранном рубище, с натруженными красными руками, в тяжелых стоптанных башмаках.

Теперь лежала она вся такая светлая, тихая. Лицо в обрамлении голубенького платочка разгладилось, исчезли скорбные складки в уголках губ и между бровей. В неподвижных узловатых кистях рук – белый носовой платочек.

Сердобольные женщины хватили его за руки:

– Поплачь, солдатик, легче станет.

Не плакалось, только горький комок застрял в горле. Кольча тискал в кулаках солдатскую пилотку, до крови вжимая в них звездочку.

Лишь когда первые глиняные комки глухо ударили о крышку

гроба у Кольчи по щекам непроизвольно покатались слезы.

Люди помаленьку расходились, тихо переговариваясь меж собой. В смерти Ефросиньи в

открытую обвиняли Гордея.

– Удумал, бабе шестьдесят с гаком, он ее на стог загнал!

– Ослобонилась Ефросиньюшка, теперь ничего не надоть.

ГОРЬКАЯ ПРАВДА

После поминок Кольче, наконец, рассказали всю правду, как погибла мать.

Только сметали Амосовы последнее сено, разразилась непогода. Гордей ездил на покос, проверял стога, хмурился: последний стог, не успев улежаться, подмок.

Ждал вёдро. Накупил в сельмаге крупной соли. При перемётке подопревшего сена только соль спасет от гниения. Наконец в один из погожих дней с утра заторопил жену:

– Собирайся, сено горит, поедем сушить.

До полудня разметывали по стерне, раздирали слезавшиеся прелые пласты сена, удаляли почерневшее, негодное. Огромный стог взялся плесенью до самой середины. Дальше решили не разбирать: копны, стасканные в основание, сохранились хорошо.

После обеда Гордей нарубил осиновых веток, накопил зеленки в болотине. Не отдохнувши, снова ворошили, просушивали пласты. Наконец приступили к мётке. Ефросинья на стог принимала от мужа навильники. Он то и дело покрикивал:

– Соли как следует, притаптывай.

К вечеру над лесом с восточной стороны повисла черная туча. Зло-

вещая тишина перед бурей таила тревогу. Гордей торопился, хватал сено большими навильниками. Ефросинья совсем заморилась наверху, он торопил:

– Не стой, топчи, соли поболе. Не успеем, тудыт твою прорву!

Успели до дождя. Поднялся ветер. Сенная труха кружилась в воздухе, забивала глаза. Гордей подал навильник с зеленкой, затем толстые осиновые ветки. Ефросинья уложила их комлями наружу, закрутила вершинки между собой. Ветер рвал подол платья, соленый пот застилал глаза. Гордей несколько раз попытался закинуть на стог толстую веревку-канат. Веревка падала, отброшенная ветром. Рассердился, вскричал на жену:

– Что ты там возишься, лови веревку!

Ефросинья распрямилась, вытерла пот с лица и вдруг как подкошенная комом покатила головой вниз прямо к ногам мужа.

Гордей привез жену домой на телеге уже бездыханную. Прибывшая фельдшер, расспросив Гордея, определила:

– Скорее всего, перелом шейных позвонков, разрыв нерва и спинного мозга. Вскрытие покажет истинную причину смерти.

Вернуться в отчий дом после демобилизации Кольча не захотел. Нет ближе дружка, как родимая матушка, но не ждет она больше своего младшенького. Сестра Анна писала ему, уговаривала:

Не дури, Кольча, приезжай, покажись на глаза, а там уж решай свою судьбу как знаешь. Отец сдал – укатали Сивку крутые горки. Прости ему свои обиды, ты ведь добрый, как мама.

Не послушал сестру брат. Приходила к нему ночами мать, махала тем самым белым платочком, что держала в руках на смертном одре. Просыпался он в холодном поту, до утра терзался, не отпустила обида смертная за горькую долю матери.

Завербовался Николай на Дальний Восток на комсомольскую стройку и, как был в солдатской гимнастерке, с вещмешком, отправился туда.

Через четыре года после похорон супруги Гордей Амосов попал в больницу. Анна отправила брату тревожную телеграмму: *«Выезжай срочно, отец тяжелою состояниши».*

Присовокупив к очередному отпуску без содержания, Амосов-младший примчался в родную область. До райцентра «пилит» на автобусе, нервничал, что не успеет. Прямо с автовокзала поспешил в районную больницу.

Заартачились, было, медсестры: «Сон-час, не положено! Часы посещения с пяти до семи вечера». Вывернул из кармана авиабилет: «Я с самого Владивостока летел, пять лет батю не видел!» Преду-

предили, чтоб не шумел, постарался не волновать больного.

Накинув тесный халат на плечи, обув смятые брезентовые тапочки, Колька вдоль стенки на цыпочках прошел в указанную палату.

Гордей лежал на кровати у окна, не спал. Сын едва признал отца. За годы разлуки тот превратился в дряхлого старика. Горячий взгляд глубоко запавших глаз говорил о тяжком недуге. Кольчу захлестнула волна жалости. Он остановился как вкопанный в двух шагах от кровати. Гордей тяжело повернул голову. По пробежавшей по лицу нервной судороге Кольча понял, что отец признал его. Глухо выдавил:

– Здорово, батя.

– Здравствуй, сын, – ответил надтреснутым голосом, и вдруг скупая мутная слеза покатила по впалой щеке. – Думал, не дождусь.

Кольча сглотнул горячий комок, сдавивший горло:

– Что ты, батя!?! – запнулся, не шли слова на ум. Кинуться бы, обнять исхудавшее родное тело, но к ногам словно гири привешены, руки безвольно висят вдоль туловища.

– Возьми стул, присаживайся, – выручил отец.

Кольча засуетился:

– Я вот тут тебе, батя, мандарины, яблоки привез.

Вытаскивал, громоздил на тумбочку у кровати.

– Это хорошо, кисленькое поем.

Щеки Гордея вспыхнули нездоровым румянцем.

Заглянула в палату медсестра:

– Гордей Иванович, как самочувствие?

– Хорошо, дочка, сына меньшого дождался.

Опять молчали. Кольча, помня наставления врачей, боялся обронить нечаянное слово. Гордей не решался сказать сыну главное – покаяться.

– Не обжанился ишшо? – задал вопрос.

– Нет.

– Надолго в родные края?

– Там видно будет, – ответил неопределенно.

Вновь заглянула медсестра:

– Закругляйтесь, сейчас процедуры начнутся, раздача медикаментов. Приезжайте завтра.

– Коля, – уже в дверях окликнул Гордей сына, – ты на меня за мать сердца не держи...

– Что ты, батя! Известное дело – случай несчастный, со всяким могло случиться. Был бы я дома... – Колька мялся в дверях. – Ты сам-то не убивайся, выздоравливай давай!

ГЕРОИ ДНЯ

Следуя по тихой окраинной улице, что вела от районной больницы прямо к автовокзалу, Кольча радовался. Он с детства любил эту улицу, притягивала она его своей простотой, крестьянским укладом. Всякий раз попадая на нее, он думал, что теперь почти дома.

Вдруг сельскую тишину разорвал тревожный набат. Били часто-часто по металлу. Низкий гудящий звук плыл волнами, заполняя пространство. В следующую минуту мимо него, пыля, прокатила конная телега.

– Где горит? – крикнул Кольча вслед вознице.

– Черт его знает, вон, кажись, там люди собираются, – махнул мужик неопределенно рукой, натянув вожжи, окликнул:

– Догоняй, что ли, может, помощь нужна будет.

Колька догнал подводу, забросил чемодан, запрыгнул.

– Не местный, что ли? – погоняя лошадь, спросил мужик.

– Кулаковский.

– А вона, дым черный валит, –

вместо ответа указал мужик кнутовищем. – Баня али сарай какой занялся. Сухота стоит, поди, окурочек кто бросил.

Чем ближе подъезжали они к пожарищу, тем многолюднее становилась улица. Люди бежали с ведрами, лопатами, баграми.

Горел старый покинутый жильцами барак. Огонь пластал по крыше, с треском лопался шифер, разлетался на куски, обнажая обрешетку.

Люди, увидев, что горит, сбавляли шаг, собирались группами, рассуждали:

– Давно пора убрать эту гнилушку.

– Лишь бы огонь не перекинулся.

– Опять ребятишки, наверное, набедокурили.

– Алкаши приют нашли! Как ни посмотришь, всё с бутылочкой туда тянутся.

Пожар разгорался все жарче. Языки пламени коромыслом вылетали из пустых глазниц окон, сливаясь в небе в один смрадный,

клубящийся шар. Уже горели и рушились внутри балки, обваливаясь, поднимали над пожарищем столбы искр и пепла.

Вдруг воздух пронзил душе-раздирающий крик. Кричала молодая женщина, удерживаемая за руки, она рвалась к горящему барaku:

– Пустите меня! Там сын!

– Как он там оказался?

– Пустите, он там! Мы тут жили, – вырвавшись наконец, она без страха ринулась к углу дома. Кольча в два прыжка оказался возле женщины. Сграбастав ее за плечи, оттащил и бросил обратно в толпу:

– Держите ее! – он уже стягивал с себя плотную джинсовую куртку. Набросив на голову, крикнул: – Обливайте меня!

Кольку обкатали водой, он ринулся к углу барака. Туда, где уцелели окна. Локтем саданул в стекло и, легко подскочив, исчез в проеме. Из окна повалил густой едкий дым.

Комната, в которую вскочил Кольча, видимо, была единственным жилым помещением. В стелющемся по полу дыму, что тянулся из-под закрытой двери, Кольча быстро оценил обстановку: тут и кухня, тут и спальня. В два прыжка Кольча оказался у кровати, встав на колени, заглянул под нее. У самой стенки, неестественно скрючившись лежал мальчик, скреб пальцами по полу заходясь в кашле. Кольча откинул кровать, укутал своей курткой голову мальчишки, легко подхватил его на руки и рванул обратно к окну. Тело мальчишки скручивало в его руках пружиной. В горячечной мысли промелькнуло: «Судороги от удушья».

Люди у пожарища засуетились, стали вновь таскать в ведрах воду по цепочке передавая тем, кто был впереди. Из толпы выступил еще один смельчак:

– Обливайте и меня, – он набросил на голову пиджак, подбежав к разбитому окну, крикнул:

– Эй, парень, ты там живой? Давай парнишку, приму.

Протяжно загудела сирена пожарной машины. Толпа расступилась, давая ей дорогу. В это время из окна показался Кольча. Передав мальчишку мужику, выскочил сам, согнувшись в пояснице, побежал в сторону от пожарища. Упав на землю, надсадно кашлял. Кто-то склонился:

– Живой, парень? Герой ты, однако!

Подбежали люди в белых халатах:

– Вам помощь нужна?

– Все нормально, парнишку вон отваживайте.

– Дайте ему воды!

Он встал на колени, взял кружку из протянутой руки, выпил залпом:

– Уф! Спасибо, земляки.

– Тебе спасибо, парень. Ты чей будешь?

Колька, наконец, окончательно пришел в себя, встал и, махнув рукой, тихо побрел прочь. Кое-как обмывшись у речки, пошел на вокзал. И только там спохватился, что оставил свой чемодан на телеге у мужика. Куртку, видно, увезли вместе со спасенным мальчишкой. Мальчонка не выходил из ума, из памяти: «Как он там, отходили ли врачи?»

Пришлось вернуться на место пожара: деньги, документы – всё в нагрудном кармане куртки. Толпа

на пожарище поубавилась, мужика с лошадью след простыл. Пошел напрямик в больницу. Спросил в приемном покое:

– К вам мальчонку с пожара должны были привезти.

– Только что поступил Коля Мальков, а вы ему кто будете?

– Тёзка, значит?! Я ему, собственно, никто. Не видели, куртка на нем джинсовая была?

– Причем тут куртка?

– Документы у меня там остались.

– Пойдите, пойдите, так вы Колин спаситель – Николай Гордевич Амосов?

– Да, Амосов я.

– Подождите, я сейчас, – молодая женщина, скрылась за дверью

кабинета. Вскоре вернулась, подавала мокрую, перепачканную сажей куртку: – Ваша?

– Она самая, – Кольча поблагодарил женщину, направился к выходу. Задержался на пороге, хотел спросить про чемодан, но вместо этого поинтересовался: – Парнишка-то как, сильно пострадал?

– Спасибо вам за мальчика. Ничего страшного, завтра можете навестить. Он в детском отделении, третья палата.

Найти чемодан надежды не было: район большой, у кого спросить о мужике на лошади? Он его и разглядеть-то как следует не успел.

У РОДНОГО ПОРОГА

На рейсовый автобус Кольча опоздал. Голосовал на обочине. Где ехал на попутке, где топал пешком. Уже потемну заявился в родное село. В редком окне светился приветливый огонек. У дома сестры посмотрел на темные окошки, не спеша побрел к отчужденному дому. Привычно скрипнула калитка в ограду. Залаял где-то в глубине двора Валет, старый дворовый пес. Колька радостно окликнул его:

– Валет! Ты еще живой, бродяга?!

Собака оказалась не на привязи, клубком вилась у ног молодого хозяина, повизгивая, прыгала на грудь.

– Валетушка, узнал, узнал, бродяга! Ну, спасибо тебе за привет.

У Кольчи предательски затряслись губы и, осознавая, что теперь никто не увидит его слабости, дал

волю слезам, усевшись на ступеньки крыльца. Горячие соленые слезы скапливаясь в мимических складках рта, капали на родной порог, принося облегчение, утоляя все его прошлые и сегодняшние печали.

У ног засуетился Валет, заискивающе поскуливал, осмелев, лизнул в соленую от слез щеку хозяину. Кольча не прогнал собаку, гладил податливый лоб, легонько трепал за уши. Усилием руки усадил рядом с собой на ступени. Вдыхал полной грудью запах родного подворья: пыльной травы-муравы у порога, колотых березовых дров и еще чего-то, знакомого с раннего детства.

Когда иссякли слезы, Кольча приободрился, встал, нашарил в ложбинке над верхним косяком ключ от двери, отворил, зашел

в дом. Легко отыскал выключатель, щелкнул, невольно зажмурившись от яркого света, прошел в горницу, включил свет и там. Не спеша огляделся. Тихо. Чисто, прибрано: всё как было при матери. Наверное, сестра в отсутствие отца навела порядок. Белый кружевной подзор на кровати, белые же выбитые наволочки на подушках горкой. Белый кружевной уголок под иконами. Равномерно тикают настенные часы, но, вопреки исправному механизму, кажется, что время остановило здесь свой ход: все осталось прежним родным и знакомым, уютным и незыблемым. И, боясь нарушить эту гармонию, Кольча не решился лечь спать в пустом доме, выключил свет, вышел на крыльцо. Собака покорно ждала его. Кольча взобрался на сеновал, поманил пса за собой. Засмеялся, вспомнив, как учил когда-то собаку забираться с ним по почти отвесной лестнице.

– Ну, что, старина, ты еще не научился покорять вершины?

Не заставив себя ждать, Валет, поскуливая от радости, взобрался вслед за хозяином, покорно уткнулся мокрым носом Кольче под мышку.

Сладко-сладко пахло сохнувшим сеном, возвращая Кольчу в далекое детство. Не давали заснуть, уйти от дневных тревожных мыслей. Все приходило на память отец, жалкий, больной и немощный. Бластились глаза мальчонки из горящего дома и душераздирающий крик его матери.

Спал он зыбким сном. Снился Кольче отец, а вернее, тревога за него. Несколько раз просыпался, лишь под утро заснул, как провалился.

– Ку-ка-реку! – разодрал утреннюю тишину петух. Вторя ему, во всех концах деревни, словно по цепочке, запели деревенские будильники. Кольча проснулся, стал вслушиваться. Как давно он не слышал, как просыпается родная деревня. Валет завозился, забил хвостом по сену. Убедившись, что хозяин не спит, пополз к створке сеновала. Кольча тоже поднялся, отворил дверцу, собака неуклюже спрыгнула вниз. Кольча спустился по лестнице. Не спеша прошелся по двору, заглянул в огород, в стайку, опорожнил содержимое мочевого пузыря.

Деревня с ее обитателями еще спала. Только петухи надрывались по всей округе. Вспомнив, что оставил вчера мокрую куртку на пороге, Кольча развесил ее на частоколе забора и вновь забрался на сеновал. Зарылся в сено, – что-то знобило от утренней свежести. Где-то хлопнула дверь. Скрипнула калитка. И опять тишина. Кольча пригрелся и задремал. Ему снилось детство. Вот бабы забрякали оцинкованными ведрами. Журавль у колодца заскрипел, заходил часто. В подойники ударили первые тугие струи молока. Завозились, захрюкали в стайке свиньи. Где-то на окраине защелкал кнутом пастух, созывая буренок и поторапливая проспавших хозяек. Совсем рядом завелся трактор, мерно постукивая механизмами, разогревал стальную внутренность. Чаше захлопали калитки и ворота, протяжно замычали коровы. Взвизгнул, а потом залился лаем пес.

– Коля, Колюшка! – все настойчивее звала его мать.

Спит Кольча Красное Солнышко. Спит, не ведает, какую горькую долю уготовила ему судьба.

– Колюшка, отзовись, я знаю, что это ты.

Кольча очнулся от сладкой дремы, понял, что все эти звуки наяву, а зовет его Анна – родная сестра.

– Да брось ты, никого тут нет, – возразил ей мужской голос.

– Как же нет, дядя Демьян говорит, свет в доме включали, и куртка на заборе. Скажи, откуда она взялась?

– Кабы он приехал, что бы он нас обошел?!

– Эй, родственники! Кого поте-

ряли? – Кольча сидел, свесив ноги с сеновала.

– Колюшка, братец ты мой дорогой! – бросилась сестра навстречу. – Я же говорю, это он, больше некому здесь бывать! Да слезай ты, дай хоть насмотреться на тебя!

Анна чисто по-бабьи, по-деревенски облобызала лицо брата.

– Колюшка, совсем взрослый стал! Что ж ты к нам не пришел? Ночевал на сеновале. Разве забыл, где ключ лежит?

– Ничего я не забыл. Не хотел вас беспокоить, а в доме пусто как-то...

НАШЛАСЬ ПРОПАЖА

Наскоро позавтракали в доме сестры. Николай на пару с сестрой поспешил на автобус, следующий до райцентра. Люди, встречавшиеся на их пути, приветливо кланялись:

– С прибытием, Николай.

– Доброго здоровьечка, Николай Гордеевич!

Прибыли в район. Едва ступили Анна с братом на территорию больницы ограда, прибежала вчерашняя погорелица:

– Николай Гордеевич, спасибо вам за Коленьку!

Кольча смотрел растерянно: не узнавал во вчерашней растрепанной, вне себя женщине сегодняшнюю молодую, почти юную привлекательную особу. Бархатные глаза с поволокой печали, делали ее взгляд невероятно теплым и умным. Кольча произнес нерешительно:

– Вы, должно быть, мать Коли?

– Я самая, Наташей меня зовут.

– Ну, как там наш герой?

– Герой – это вы! Только про вас и разговор!

– Какое там – герой? – смутился Кольча.

– Как же, как же! Я Коленьке наобещала, что вы его обязательно навестите. Ждет он вас, очень ждет, волнуется!

– Я обязательно зайду. Вы скажите, что он любит, тезка мой? Что ему принести?

– Ничего ему не нужно, только сами приходите, Николай Гордеевич! – горячо уверила женщина.

Брат с сестрой – по коридору в палату к отцу, следом медсестра с чемоданом:

– Гордеев, ваши вещи?

– Мой чемодан! Откуда он у вас?

– Вчера с пожара принесли, говорят, вы там подвиг совершили – ребенка из огня спасли?!

– Подумаешь, подвиг.

– Вот именно подвиг! В детском отделении сегодня журналисты были, расспрашивали мать ребенка. Статья о вас выйдет в районной газете.

ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН

Гордей ждал детей как никогда. Услышав вчера к вечеру о том, что его сын отличился на пожаре, Гордей сдержано улыбнулся. Но когда его стали расспрашивать, сухо, но с гордостью ответил:

– Он всегда-то был такой, Колюшка последнюю рубаху с себя сохнет, а другого в беде не оставит!

Завидев детей, Гордей засуетился, хотел встать с кровати, но сил хватило на то лишь, чтобы сесть, облокотившись на подушку. Слепящиеся глаза подернулись мутной поволокой, руки тряслись.

– Лежи, лежи, папка, – заботливо суетилась Анна. – Ты сегодня кушал чего-нибудь?

– Чай пил. Слабость навалилась, кусок в горло не лезет.

– Надо кушать, ты ослаб, потому что не ешь. Я вот тут тебе творожка жиденького привезла – молоком развела, как ты любишь. Давай-ка, я тебя сама покормлю.

Гордей не стал перечить, взял из рук дочери ложки две творогу, с усилием проглотил, потом вдруг крупные, мутные слезы потекли по его щекам. Перехватив дочерину руку, он мелко затрясся:

– Анна, дочь, прости ты меня Христа ради! Несправедлив я был к тебе, а ты вот первая за мной ходишь, с ложечки потчуешь.

Едва сдерживая подступившие слезы, Анна возразила:

– Папка, о чем ты? Я на тебя зла не держу, только ты выздоравливай!

– Ты вот что, дочь, привези завтра внуков, хочу проститься.

– Привезу, обязательно привезу! Папка, родненький, что-то ты захандрил, все ведь ладно, вот и Коленька наш приехал, ты обязательно поправишься.

– Ладно, батя, чего ты, в самом деле, захандрил? – попробовал и Кольча успокоить отца.

Гордей взглянул беспомощным, виноватым взглядом, понурил голову:

– Пустое, дети, видно, пришел мой срок. Послушайте, что скажу: – Дом, надворные постройки, скотину, какая осталась, если ты, Николай, надумаешь остаться, завещаю тебе.

Кольча пытался было возразить, но сестра легонько тронула его за руку, предупредительно приложив указательный палец к губам. Гордей продолжал, не поднимая головы:

– А ежели опять в бега подашься, тогда мой тебе, Анна, наказ: продашь все. Деньги поделите поровну на шестерых. Скотину забереешь себе.

Возвращаясь домой, брат и сестра подавленно молчали. Оба слишком отчетливо поняли, что дни отца сочтены.

– Ты вот что, Анюта: пойди на узел связи, отбивай телеграммы всем нашим, плохой, мол, отец, выезжайте срочно. А я забегу, мальчонку проведаю, ждет ведь. Встречаемся на вокзале, я не задержусь.

— Вот пошел старик к синему морю. Почернело синее море. Стал он кликать золотую рыбку, — читала в палате сыну Наташа.

Кольча, не смея прервать сказку, стоял у косяка двери, смотрел на мать с сыном. На вид ребёнку было лет пять-шесть. Мальчик обернулся, увидел своего спасителя, расплылся в улыбке. Он был невероятно красив: черные глаза-смородины — умные и выразительные. Густые темные волосы, по-детски припухлые губы. Как две капли воды похож на мать. Не было в его глазах только выражения той боли, что терзает материнскую душу в заботе о больном ребенке. Кольча, не моргая, смотрел мальчику в глаза, а тот как-то неестественно замахал правой рукой, голова его запрокинулась. Колька вспомнил, как вчера так же неестественно корежило тело ребенка в его руках. Теперь он отчетливо осознал, что ребенок — инвалид. Взял в руки эмоции приветливо поздоровался:

— Здравствуй, тезка!

— Ой, — обернулась Наталья, — вы пришли! Ну, вот, Коленька, Николай Гордеевич пришел навещать тебя. — И, обращаясь к Кольче, добавила: — Он вас узнал, видите?! — И опять к сыну: — Коленька, поздоровайся.

Кольча сам взял малыша за руку:

— Ну, здравствуй, здравствуй, герой! Как ты тут?

— Все хорошо, вчера и сегодня нам капельницу ставили, надышался, страху натерпелся. Он хорошо держался, правда, сынок?!

Он очень смелый, умный и терпеливый, — с любовью к чаду рассказывала мать.

Кольча, не находил нужных слов, молчал, потом спохватившись высыпал прямо на кровать мальчишке шоколадные конфеты, два апельсина. У ребенка от счастья лучились глаза. Светились счастьем и благодарностью и глаза матери, навернулись непрошенные слезы.

— Апельсины! Откуда это? Он их один раз в год видит на Новый год, подарки для инвалидов органы опеки дают.

— А что с Коленькой? — найдя подходящий повод, спросил Кольча.

— ДЦП второй степени. Так-то он умный, все понимает, немного говорит, сам кушает. Только когда волнуется, вот как теперь, не совсем хорошо получается. И ходить не может.

— Наташа, а как вы в бараке оказались? Люди говорили, что он нежилой.

— Вот так и оказались. Я ведь приезжая, муж меня к себе привез. Жили с его родителями. А как Коленька родился, чуть-чуть подрос, диагноз нам сообщили, так муж собрался и был таков — уехал на заработки, нас оставил у своих родителей. Целых три года мы там промучились — свекор со свекровью нас со свету сживали. А потом и вовсе известие пришло, что папка наш женился на другой и вот-вот нагрянет в гости. Нашла я угол — у одной хозяйки флигель снимали. Летом-то ничего, а вот зимой беда — холод, сырость. Полтора

года прожили, пришлось опять съезжать. Я, слава богу, устроилась почту разносить, временно под жильё комнату в бараке дали, обещали к зиме вопрос решить. А тут этот пожар...

– А ваши родные?

– Нет у меня никого, и поехать мне не к кому.

Кольча не посмел больше спрашивать несчастную женщину,

засуетился, засобирался уходить. На прощание пообещал:

– Я вам коляску инвалидную куплю. Обязательно! Будешь ты, Колька, на коляске кататься. Хочешь коляску?

– Трудно коляску достать, – сокрушалась женщина.

– Ничего, я ее из-под земли добуду! Давай пять, тёзка! – он протянул руку, пожал ладонь мальчика.

СМЕРТЬ ГОРДЕЯ

Гордей не спал в эту ночь, маялся, метался. Теснили грудь горькие воспоминания. Не война и плен мучили его, не трудности послевоенного быта, а нелепая смерть жены. Когда беспамятство овладевало сознанием, она протягивала к нему руки из небытия – звала, манила к себе.

Едва окрасился горизонт узкой, чуть приметной полоской багряного восхода, Гордей умер, не дождавшись старших детей и внуков.

Горькое известие в деревню пришло через узел связи. И полетели срочные телеграммы, извещающие о смерти отца. И съехались дети и внуки.

Всем селом провожали Гордея Амосова в последний путь. Как ведется по христианскому обычаю, никто не говорил о покойнике плохо, никто не помнил зла. Только рассуждали о том, какой трудолюбивый был человек, какой трудный жизненный путь выпал на его долю – послереволюционная голодная юность, фронт, плен, большая семья и труды до седьмого поту, трагическая смерть жены.

Собравшиеся впервые за столько лет дети с семьями едва уместались в родительском доме, казавшемся ранее большим.

Братья и сестры просидели за поминальным столом почти до утренней звезды. Горе напомнило о бренности существования, заставило каяться о редких посещениях родительского крова. Впрочем, за разговорами не только горевали, вспоминали детство и юность, так быстро улетевшие к другому поколению.

Завели речь о наследстве. Анна в точности передала последний наказ отца. Все посмотрели на Кольчу. Он молчал, словно чувствовал себя виноватым. Потом галдели. Кто настаивал все продать, кто допытывал Кольчу о его решении. Старший Амосов – Борис, пристукнул по столу ладонью:

– Послушайте меня! – все стихли. – Спорить тут не о чем. Воля отца – закон. Сделаем так, как он решил. Слово за тобой, Николай. Может, и впрямь вернешься в родительский дом? Жаль отцовских трудов, да и материных: мало

она тут пахала?! Мы вот разъезжались все, кто куда. Раньше как-то и не задумывались, а теперь вот получается, и приехать не к кому будет. Родители связующим звеном между нами были.

– Действительно так! – сокрушались сестры.

Братья молчали, понуриив головы.

– Решай, Кольча, теперь за тобой слово, – Анна обняла брата. – Как бы я хотела, братик дорогой, чтобы ты вернулся! Может, хватит счастья на чужбине искать? Устроишься в совхозе, женишься.

СТАРЫЙ СУНДУК

Отвели девятый день Гордею Амосову. Когда застолье разошлось, застелив постель на диване, Кольча улегся, решил хорошенько выспаться. Смеркалось, но ему не спалось. Шарил глазами по потолку, стенам. Взгляд скользнул о старинные с боем часы, затем о фотографии в рамке. Кольча рывком встал с дивана, подошел вплотную и стал разглядывать полинялые снимки, их было много под стеклом в одной раме. Вот мать с отцом совсем молодые, вот старший брат в армейской форме, а тут в правом нижнем углу сестра Анна, а на руках у нее он, смешной белобрысый мальчонка в белой с расшитым воротом косоворотке.

Кольче захотелось найти в доме что-то ещё, напоминающее о матери. Он шагнул в маленькую пристроенную к дому комнатенку, осмотрелся. Тут мать по ночам строчила на швейной машинке, перелицовывая и латая одежку для многочисленной оравы.

По хозяйству на первых порах мы с Виталием поможем, ну а потом сам разберешься, что к чему, чай не в городе вырос.

Кольча обещал пожить в родном доме, подумать.

Разъезжались на третий день, всех звала в дорогу продолжающаяся жизнь. Расставаясь, горячо обещались съезжаться, писать, хотя каждый в душе понимал, что разбегутся опять дороги, закрутит омут жизни и вряд ли теперь опустевший родительский дом соберет всех под одной крышей.

Большой деревянный сундук, окованный по верху полосками железа, был застлан цветистой дорожкой. В годы его детства этот сундук запирался большим навесным замком и от этого еще больше манил ребятню своей таинственностью и недоступностью: что там внутри? Теперь скобка для замка болталась пустая. Кольча открыл крышку, откинул на стену. Из нутра пахло нафталином. Сундук оказался наполовину пуст. Аккуратно сложенные отрезки ткани, швейные принадлежности: клубки ниток с воткнутыми в них вязальными спицами, ножницы, большая металлическая банка с пуговицами разных мастей. В центре – фотоальбом, обтянутый синим плюшем. Кольча поднял альбом, мельком взглянул на то, что оказалось под ним. Там лежала та самая белая рубашечка-косоворотка с фотографии. Боясь нарушить заведенный еще матерью порядок, он взял рубашку, развернул и дол-

го разглядывал пожелтевшую от времени материю, принохивался, пытаясь сквозь нафталин уловить запах детства и материнских рук. Бережно уложив вещь на место, Кольча, прихватил альбом, уселся на диван. Альбом был заполнен не весь. Не так уж часто посещал в те времена деревню фотограф. Пролистал альбом от корки до корки и обнаружил на последней странице пожелтевший номер газеты «Пионерская правда». Он с интересом просмотрел её, взгляд зацепился за статью «Как пионер Володя спас котёнка», обведенную красным карандашом. Кольча помнил эту статью, это он обвел её тогда красным карандашом.

Усмехнулся нахлынувшим тёплым воспоминаниям, взглянул на часы. Стрелки показывали половину двенадцатого. Вновь улегся, но тщетно. Что-то все жам-

кало сердечко. Вина не вина, досада на свое малодушие, что ли?! Отец. Чем мог он ему помочь, если дни его были уже сочтены?

Родительский дом. Он обещал братьям и сестрам подумать и объявить о своем решении. А что, собственно, он решил?

Еще этот несчастный больной мальчишка – тёзка, спасенный им на пожаре, и его многострадальная мать. Опять в памяти всплыл рассказ о пионере, спасшем котёнка.

И вдруг пришло простое, ясное, как погожий денёк, решение: он заберет погорельцев к себе. Ведь им негде жить. Он купит мальчишке инвалидную коляску, устроит его в детский сад. А мать мальчишки возьмут на работу хоть в тот же детский сад, нянькой. Помогут, всем миром помогут. В деревне во все времена так повелось! А он, Кольча, женится на Наталье, если она примет его предложение.

НОВОСЕЛЬЕ ДЛЯ КОЛЕНЬКИ

Кольча бегал по райцентру, Котыскивал Наташу и Коленьку. Его осенило: нужно идти на почту, она сказала, что устроилась почтальоном. Там и нашел Наталью. Ее глаза светились неподдельной радостью:

– Ой, Николай Гордеевич! Здравствуйте! Мы вас с Коленькой ждали, – и спохватившись добавила: – У нас все хорошо – нам комнату в общежитии профтехучилища дали. Тут недалеко, пойдемте.

– А разве он один дома?

– Нам не привыкать, бегаю проведу. Вот Коленька-то обрадуется – у него только и разговоров, что за вас!

Мальчик радовался гостю, смеялся от счастья. Кольча подхватил ребенка на руки, закружил по комнате:

– Ждал дядю Колю?

– Да-ал! – протянул мальчонка.

– Поедешь к дяде Коле? В деревню поедешь?

– Еду! – опять повело руки и голову ребенка, мать, стоявшая рядом, умело перехватила напряженное тельце, усадила в высокий стульчик с подлокотниками. Виногато взглянула на гостя:

– Разволновался он, радуется очень.

– Наташа, я ведь всерьез: поехали к нам в деревню на жительство!

– Как же это?

– А так, очень просто. Что вас здесь держит? Комната эта казенная, работа малооплачиваемая? Кольчке чистый воздух нужен, свежие овощи. Хорошие продукты. Я попытаюсь устроить Кольку в детский сад, а ты в няньки пойдешь, будешь рядом с ним, – он не заметил, как перешел на ты.

– Что вы, Николай Гордеевич, с его заболеванием ни в какой сад не берут, мы уж сколько просились.

– Не там просились. У нас возьмут, вот увидишь! Я сам с заведующей договорюсь. Ему разви-

ваться надо, с детьми общаться. Обижать его никто не будет. У нас в деревне люди добрые. Решайся, Наташа!

– В деревне, конечно, хорошо, только где мы станем жить?

– Пока у меня останетесь, все равно дом пустой. У меня отпуску осталось двадцать дней, я уеду, ты за домом присмотришь. Вернись, видно будет, – он осекся, замолчал.

Вечером в Каменку приехали новые жители. Кольча нес на руках мальчишку. Его спутница – высокий стул и дорожную сумку.

ДЕРЕВЯННЫЕ ЛОШАДКИ

Кольча переселился ночевать на сеновал. Думалось: «Вот теперь-то я высплусь, как в детстве!» Надышавшись ароматом трав, он уснул быстро. Но среди ночи, будто кто-то толкнул в бок, мучило, мутилось в душе: «Что-то я еще должен сделать!» и вдруг осенило: «Построю на территории детского сада площадку! Настоящую: с лесенками, турниками, качелями. Завтра же пойду в контору и предложу свои услуги абсолютно бесплатно». Разыгралось воображение. Днем, когда он ходил в детский сад уговаривать Октябрину Михайловну взять в среднюю группу Кольку, а Наташу на работу, он обратил внимание на скудно оснащенную территорию детского сада: два грибка с песочницами да низкие скамейки вдоль ограждения.

С раннего утра Кольча обегал все кабинеты конторы, повстречался со всеми нужными людьми. С обеда на территории детского

сада закипела работа. В первый день Кольча самозабвенно проработал до сумерек. После ужина, завалившись на сеновал, проспал богатырским сном до вторых петухов. Основательно позавтракав, опять убежал на свой объект. Пилил, строгал, колотил. Прохожие с любопытством оборачивались, гадая: что за мастер объявился в детском саду?

На следующий день, директор хозяйства наказал секретарше:

– Лариса, быстро ко мне Самарского!

Прораб явился со сметой по благоустройству территории детского сада. Петр Сергеевич, быстро пробежал лист глазами, наложил резолюцию.

– Проезжал вчера мимо сада, душа радуется: работает парень, и никаких командиров над ним.

– Да, был я, видел.

– Вот такие кадры нам нужны! Выпишешь ему наряд на сдельную работу, чтоб все как положено.

Днем директор не поленился, подрулили к детскому саду, радушно поздоровался с парнем:

– Николай, а ты не думаешь на родину вернуться? В народе ведь как говорят: «Где родился, там и пригодился».

– Думал, как не думал. И даже решил: сезон отработаю и вернусь.

– А что тебе этот сезон даст? Езжай, бери расчет и, как говорится, переезжай на зимние квартиры. Работы у нас хватает: хочешь, в местную строительную бригаду устраивайся, в автопарке водители требуются, в мастерской слесари. Задумаешь – иди, учись по целевому направлению, квалифицированные кадры нам тоже нужны.

– Я бы по строительству, мне это как-то ближе.

– Замечательно! У нас в плане строительства грандиозные проекты: жилые дома, коровник, два зерносклада, новая кочегарка. Ты себя в деле уже показал! На первое время жилье у тебя имеется, надумаешь новый дом строить, материалы выделим. Перспективы у нас на селе не хуже, чем в городе: газификация, прокладка асфальтовых дорог, три артезианские скважины – воду к домам подведем.

– Вернусь, Петр Сергеевич, есть у меня одна задумка, вот осуществлю ее и обязательно вернусь.

Кольча по-прежнему работал допоздна, торопил время, хотелось ему успеть все, что задумал. Через неделю кропотливого труда, на детской площадке появились качели, устроенные из досок перекладиной. По краям досок подняли головы деревянные лошадки, белые лебеди выгнули шеи. Две фанерные ракеты с прорезями для лица манили ввысь.

Уже получен был расчет по наряду, а он все пилил, стругал, шлифовал, красил. В последний вечер задержался до сумерек.

Зашел в родную ограду. Свет в доме погашен, но он увидел, как от окна в глубину комнаты метнулась тень. Наталья. «Ждала, наверное», – радостно и счастливо затрепыхалось сердце Кольчи.

С тех пор, как Наталья с сыном поселилась в доме Амосовых, Кольча предоставил ей роль полноправной хозяйки. Он открыто заявил Анне о своем намерении жениться на квартирантке. Но с Натальей на откровенный разговор не решался. Неловко было перед Анной и своей совестью: у отца еще ноги не остыли, сороковины не отведены, а он тут жениться будет!

Наталья рачительно исполняла роль хозяйки: готовила, обстирывала хозяина и блюла порядок в доме. Как и мечтал Николай, она устроилась нянькой в детский сад, в группу, куда зачислен был Коленька. Новые подруги по работе снисходительно улыбались, замечая, как меняется в лице Наталья, когда видит своего благодетеля на площадке детского сада, занятого работой.

Виделись Кольча с Натальей очень редко. Николай чуть свет спешил на стройплощадку, задерживался там до конца светового дня.

Тянуть с разговором не осталось времени: завтра он должен уехать. Остановился у порога в нерешительности. Скрипнула дверь. Вспыхнул свет под козырьком крыльца, она стояла на пороге простоволосая, в домашнем фланелевом халатике, в накинутом на

плечи белом хлопчатом платочке. Чем-то до боли родным, материнским повеяло от нее. У Кольчи аж дыхание перехватило.

– Николай Гордеевич, кушать будете? – выговорила она с трудом, с придыханием, заметно волновалась.

– Спасибо, Наташа, меня повара, перед тем как уйти, накормили.

– Завтра уезжаете?

– Уезжаю, пора, Наташа.

– Николай Гордеевич, вы вернетесь? – в ее голосе было столько надежды, призывной нежности.

Он сделал шаг навстречу, прижал ее к груди:

– Я обязательно вернусь. Денег подзаработаю, коляску Коленьке куплю.

Она не сопротивлялась, уткнувшись лицом, вдыхала запах его натруженного тела:

– Ох, Николай Гордеевич, Николай Гордеевич, если бы вы только знали, *что* вы значите для меня, для нас!

– А я хочу знать, Наташа, ты слышишь, я хочу знать! Про нас с тобой в деревне болтают невесть что, а то не ведают, что я прикоснуться к тебе боюсь. Обидеть тебя боюсь неосторожным словом. Ты ведь знаешь какая?!

– Какая?

– Ты настоящая, ты мать замечательная. А еще красивая, я днем на тебя глядеть боюсь. Ты замуж за меня пойдешь?

Она не ответила, только разомкнула руки, сложенные на груди, и крепко-накрепко обняла его, еще плотнее вжалась лицом в грудь.

– Ты только скажи: да ли нет?

– Да, – прошептала едва слышно.

– Эх, Наташка, Наташка, заживем мы с тобой на зависть всем. Коленьку усыновлю, еще детишек нарожаем. Не называй меня Николаем Гордеевичем.

– Как скажете.

– И не выкай. К чему это теперь? – он подхватил её на руки.

РАССТАВАНИЕ

Утром, когда в детский сад потянулись ребятишки, оглашая деревенские улицы звонкими голосами, Кольча бодро шагал на остановку на руках с Коленькой. Наталья шла рядом, прильнув лицом к плечу Николая. В провожатых шло все семейство Майеров.

Поравнявшись с детским садом, Кольча с удовольствием отметил, что работники детского сада во главе с Октябриной Михайловной, родители и дети столпились у главного входа и о

чем-то оживленно дискутируют. Увидев Кольчу, все замахали руками, он тоже ответно махнул им рукой, не без гордости взглянул на родных.

– Уезжаешь, Коленька? – направилась навстречу компании Октябрина Михайловна. – Зайди с детишками попрощаться. Вот люблю. И когда ты только успел?! – заведующая указала рукой на фронтоны здания. Там сияло большое желтое солнце, из него в виде тонких реек расходились лучи.

– А там радуга-дуга! – махали ребятишки руками в сторону противоположного фронтона.

На остановке Кольча открыто расцеловал Наталью и Коленьку, попрощался с родными и бодро вскочил на подножку автобуса.

Наташа с сыном плакали, не скрывая слез. Плакала Анна и племянники. Только Виталий держался и журил остальных.

– Ну, чего развели сырость? Приедет он, куда теперь денется!

Кольча тряся на рейсовом автобусе, блаженно улыбаясь – хорошо, когда мечты у человека сбываются!

После отъезда Кольчи Наталья регулярно получала письма с Дальнего Востока, в которых он сулился, что скоро, совсем скоро вернется домой, что они, наконец, поженятся и заживут счастливо.

Истосковавшаяся по мужской ласке, по надежному плечу, Наталья ждала своего Николая Гордеевича (только так называла она его на людях) с нетерпением, отвечала ему нежными посланиями и уверениями в любви, преданности и благодарности.

Вскоре на ее имя пришло извещение на посылку. Со щемящей радостью прибежала на почту. Ей вынесли нечто громоздкое, плоское, упакованное в почтовую бумагу. Она гадала: что же это может быть? Притащила посылку прямо в детский сад, с нетерпением вскрыла. Под бумагой оказались сложенные в рамку колеса с надувными шинами и блестящими спицами. Окружившие ее женщины ахнули:

– Наташка, это же коляска инвалидная, она просто сложена, как раскладушка!

Наташа плакала от переполнявшего ее счастья и благодарности. Подружки восхищались, завидовали ее счастью:

– Наташка, как же он тебя любит! Вот приедет, и заживете вы! А мы вам свадьбу отгрохаем! Сообща стол накроем! Всем селом гулять будем!

Она не прятала счастливых глаз, и в тот же день вызвала Кольчу на переговоры. Ей не жаль было потратить деньги, лишь бы услышать родной, любимый голос, лишь бы ощутить хоть на миг – вот он рядом.

С волнением и трепетом сжимала телефонную трубку, наконец, что-то щелкнуло на том конце провода, чуть приглушенный голос телефонистки оповестил: «Разговаривайте с Владивостоком». Наталья напряглась всем телом, вжала трубку в ухо. Кольчин тревожный голос спросил:

– Наташа, это ты? Наташа, что случилось? Ты посылку от меня получила?

– Я, Коленька, я! Получила, вот потому и звоню.

Потом он говорил что-то еще, она молчала, только внимала его голосу.

– Ты почему молчишь? Ты слышишь меня, Наташа?

– Я только тебя теперь и слышу, только тобой живу! Возвращайся скорей!

– Наталка, ну потерпи еще немножко! Я тебе обещал, что коляску куплю? Купил! Скоро беру расчет, билет на самолет и мы будем вместе!

В ухе зажужжало, разговор прервался, опять что-то щелкнуло, голосом телефонистки трубка оповестила: «Ваше время истекло».

Вернуться скоро Кольче Амосу не суждено было. В стране началась перестройка – приватизация с «прихватизацией», хаос и неразбериха.

Весной следующего года, кое-как получив расчет на предприятии, Кольча приобрел билет по баснословной цене и отправился в путь на поезде. В плацкартном вагоне познакомился с веселой компанией. Со свойственной жилкой доверия и добра к людям выложил всю свою подноготную. Так мол и так, заработал немного денег и едет воссоединиться со своей семьей. Веселые доброхоты втянули в пьянку. Начиналось то все вроде невинно. Ну, дал он дружкам на пиво. Те смотались в вагон-ресторан, приволокли германское баночное, только-только появившееся в стране пиво «Бавария». «Подумаешь, пиво! – думалось Кольче. – Какой у него градус, все будет в норме! Надо же радость обмыть – скоро с Наташкой встретимся, с Коленькой – заждался тетка!»

Ему подсунули стакан, налили из банки. Скоро стало совсем весело. Потом как-то враз сморило сном. Кольча еще слышал сквозь вату навалившейся сонной истомы, как веселые попутчики тянут его, укладывают куда-то.

Очнулся утром на узлах с дорожным постельным бельем, пахнущим хозяйственным мылом. Едва оторвал свинцом налитую голову, осмотрелся. Узкое купе-кладовка рядом с проводником, не иначе. Но как он сюда попал? Перебрал, наверное, малость?

Но так, чтобы ничего не помнить?!

Щелкнул замок, дверь поползла, скрежеща роликами. Проводница вошла, было, и отпрянула:

– Это еще что за новости?! Ты как сюда попал? Ты кто такой?

Превозмогая головную боль, слабость во всех членах, сухость во рту, Кольча попытался реабилитироваться:

– Я же вчера во Владивостоке сел.

– А билет твой где?

– Сейчас, сейчас, – тщето шарил Кольча по карманам.

– Ты, друг ситный, говори да не заговаривайся! Если бы ты вчера сел с билетом, как бы ты сюда попал?! С ума сойдешь с этими зайцами! – и выглянув к коридору окликнула: – Саша, тут еще один объявился, пойди сюда!

Кольчу вытолкнули взашей из служебного купе. Он настаивал, что ехал с билетом, что соседи по плацкарту могут подтвердить. Силился вспомнить, какой номер вагона у него был, номер места и полку. Но ничего не мог осилить. Его мутило так, что казалось, вывернет наизнанку. Попросился сходить в туалет. Тот, кого проводница назвала Сашей, здоровенный амбал с бесстрастным выражением лица, пошел следом. Закрывшись в туалетной кабине, Кольча подсунул распухшее лицо под кран и давил, давил изо всей мочи на рычаг, остужая ледяной водой голову, лицо, набрякшие веки. Судорожно глотал эту ледяную влагу. Хоть чуточку стало легче. Вывалился в тамбур. Там проводница со своим помощником.

– Алкаши несчастные, пропьются, мать родную не узнают!

Об упоминании святого имени мать, Кольчу вдруг как током пронзила совесть: «Что же это я, в самом деле, натворил?!»

– Давай, давай, парень, предъявляй документы, готовь штраф за безбилетный проезд, либо мы сдаем тебя в милицию.

– Вспомнил я, – словно очнулся Кольча, – пятый вагон, место сорок три.

– Эк, тебя занесло, это одиннадцатый вагон!

– Саша, сходи с ним, выясни.

Его место в вагоне оказалось занятым. Вчерашних попутчиков след простыл. Вещей на багажной полке не было. Поезд уменьшил ход, засновали пассажиры. Без копейки денег, без документов Кольче ничего не оставалось делать, как, затесавшись в их рядах, выскочить на перрон и как можно быстрее скрыться из вида. Собрав все свои силы и смекалку, он так и сделал. Выскочил налегке и скрылся в пристанционных кустарниках. Когда миновала опасность, выбрался. Осмотрелся. Ноги сами понесли на вокзал – согреться, обдумать, как быть дальше. Занял свободное место в углу. Вновь обшарил, вывернул все карманы. Нашлись-таки мелкие бумажные купюры. В буфете заказал крепкий чай. Хватило даже на ватрушку с повидлом. Съел ватрушку, жадно выпил чай. Наблюдал, думал. И за ним наблюдали. Подошел старый чеченец, уверенно сел рядом. Тихо, чтоб не привлекать внимание спросил:

– Ну что, парень, проблемы есть?

Кольча подернул плечами.

Чеченец не дав опомниться, задал новый вопрос:

– Подзаработать хочешь?

– А каким образом?

– Поехали со мной на стройку в Хабаровск.

Кольча уже готов был согласиться, мысленно он зацепился за это слово – Хабаровск. Там ведь и до Владивостока рукой подать. Заработает хоть сколько-нибудь, и мотнет обратно на предприятие, там его помнят, помогут документы выправить. На всякий случай сказал чеченцу:

– Я так-то согласен, только вот документов при мне никаких.

– А на что мне твои документы? Топор в руках когда-нибудь держал?

– Очень даже держал, – оживился Кольча.

– Вот и замечательно – мне плотники нужны.

– А когда ехать?

– Через два часа поезд. Вещей-то у тебя, как я понял, нет? Откуда ты?

– Из Сибири я родом. Работал во Владике, ехал домой, в поезде обобрали, деньги и вещи, документы – все забрали.

– Ничего, парень, не горюй, со мной не пропадешь.

Новый знакомый махнул рукой, подошли другие чеченцы, оживленно разговаривали между собой на своем языке. Не понять было, спорят они или ругаются.

Через два часа Кольча, несколько успокоившись, ехал в плацкартном вагоне в Хабаровск. Ему нравилось, что ребята держались дружно. В разговоры ни с кем не вступали, вино в дороге не употребляли. Всякий беспрекословно подчинялся старшему.

Давно в семье Анны Майер поселилась тревога. Кольча писал, что скоро приедет насовсем, но вот минули весна и лето, а от него не было ни единой весточки. Ждала Кольчу и Наталья с сыном. Несколько раз писала письма на старый адрес, два из них возвратились обратно с пометкой «Адресат выбыл».

Посоветовавшись с Анной, они подали в розыск.

К осени Коля-маленький с трудом, но встал на ноги, начал ходить. Наталья усиленно занималась с ребенком, готовила к школе. И ждала, ждала.

Минул еще один год. Амосов Николай в деревне так и не появился, вестей о себе не давал.

Коленьке исполнилось восемь лет. В районе предложили спецшколу и интернат для детей-инвалидов. Наталья два года моталась в интернат и обратно. Привозила сына на школьные каникулы в деревню. А потом совсем уехала. Ходили слухи, что приняли ее в тот интернат не то нянечкой, не то кастеляншей. Некоторое время она поддерживала связь с семьей Анны, надеясь на весточку от Николая. Родительский дом Анна не продавала, ждала, что когда-нибудь брат объявится.

А Кольчу Амосова уже десятый год носило по просторам страны. Он не заметил, как постепенно превратился в бомжа – человека без определенного места жительства.

Эх, знать бы ему тогда, как все обернется, не прятался бы от милиции, сойдя с поезда. Ну, взя-

ли бы его, увезли в участок. Объяснил бы все, как было, сделали бы запрос на родину. Может, справку какую выписали, временно удостоверяющую личность, сообщили бы сестре Анне, уж она бы непременно помогла добраться до дому. Только жгла его тогда совесть, те слова брошенные проводницей: «Пропьются, что мать родную не узнают!» Думалось: вот подзаработает на билет и через неделю будет дома. Что деньги, вещи ушли прахом, покается. Руки-ноги целы, все наверстает! Работать будет не покладая рук.

Он и работал! Только рабом на дядю. Сначала отработал весенне-летний сезон в бригаде чеченцев-строителей в отдаленном районе Хабаровского края. Бригада работала сдельно. Он в той бригаде как бы и не числился. Кормить кормили, но чувствовал он кожей, что добром с ним не расстанутся. Так и вышло: объект сдали, бригада получила расчет, а ему было сказано, что он свою долю проел-пропил. Попытался было права качать. А какие у него теперь права? Пригрозили, мол, пикнешь – ноги не унесешь.

Опять подался на вокзал, ночь перемогался там. На другой день, новый работодатель объявился: солидного вида мужчина славянской внешности нанимал в Читинскую область, под Могочу. Обещал приличное жилье, достойную зарплату, а также помочь выхлопотать документы.

Вот эти самые посулы на документы опять вселили в Кольчу надежду. Согласился, поехал. И

завис на целых три года. Работал в фермерском хозяйстве. Ему пришлось убирать свинарники и коровники, доить коров, забивать скот, помогать обрабатывать землю, продавать молоко на автомобильной трассе. Оплата – питание и редкая копейка на личные нужды. Что держало? Фермер помог восстановить паспорт, но оставил его у себя. Когда Кольча окончательно убедился в мысли, что паспорт ему не вернут, решил сбежать.

В очередной раз торгуя на трассе молоком, проголосовал. На вырученные деньги добрался до города и напрямик на вокзал. Боялся преследования, но на этот раз ему крупно повезло. На перроне толпился народ, из разговоров он понял, что люди записались в какую-то артель и собираются уже ночью ехать во Владивосток. Подсуетившись, разыскал человека, нанимавшего рабочих, и без раздумий записался в наём на дальневосточный рыбокомбинат. Так Кольча оказался на колесах поезда «Улан-Удэ-Владивосток». Ехали дружно, весело.

Прибыли во Владивосток. Далее морским путем на Курильские острова. Высадились на острове Шикотан. Заселились в рабочее общежитие, насквозь пропахшее тухлой рыбой. Вскоре обнаружилось, что обещания сильно отличаются от реальности. Из обещанных денег только мизерную сумму выдавали на руки, суля остальное заплатить в конце года

– «под ёлочку». Работодатель при этом требовал деньги за проживание и питание. Эта сумма всякий раз оказывалась больше начисленной зарплаты. Так все нанятые работники оказались в ситуации кабалы. Многие, такие как Кольча, работали сверхурочно и все равно оставались должны комбинату. Долг рос с каждым днем. Жизнь дорожала. Цена на билеты возросла до баснословных размеров. Кроме того, без паспортов на любой вид транспорта их не приобретешь.

Друзья-страдальцы вторили ему в один голос: «Кому мы здесь нужны на забытом Богом острове? Жри, Колян, вонючую баланду из дальневосточной рыбки и мотай срок!»

Срок. О, как верно сказано! Кто он теперь, Кольча Амосов – Красное Солнышко? Раб. Без ржавых кандалных цепей по рукам и ногам, но все равно раб. Обратиться за помощью к сестре Анне, братьям – это предъявить им свой непомерный долг перед комбинатом, заставить их позаботиться о его возвращении на родину.

Написать о своей беде Наталье? Женщине, которую он боготворит? Той, которой на долю выпал и без того крест непомерной тяжести, взвалить на хрупкие плечи еще одну ношу? Нет, он не делает этого! Будет мерзлую землю грызть, есть ржавую, опостылевшую рыбу и лучше захлебнется соленой водой Тихого Океана, но не причинит вреда этой женщине!

ПОБЕГ

И все-таки Кольча надеялся на чудо и откладывал из свое-

го скудного заработка – копил. Решил так: долг на комбинате не

погасить никогда, так хотя бы сбегать отсюда. Паспорта у него нет, искать и взыскивать с него задолженность не станут – нет основания: договора он никакого не подписывал, был принят как вольнонаемный подсобным рабочим по справке, временно удостоверяющей личность.

Кроме того Кольча тщательно готовился к дороге: раздобыл термос и рюкзак, запасался нужными мелочами. Починил старую, безнадёжно истрепанную брезентовую куртку. Недавно полученную новую робу тщательно свернул, уложил в рюкзак. Ждал удобного случая.

И, наконец, такой случай представился. Он договорился в порту с ребятами с рыболовецкого трала за половину с трудом собранной зачатки добраться до Владивостока.

Потом правдами-неправдами в кабине машинистов, в прицепных товарных вагонах доехал до Барнаула.

Оставшуюся сумму тратил очень экономно: ел ровно столько, чтоб только не умереть от голода.

В Томске, не разобравшись, заскочил на платформу поезда следующего по другой ветке, и угодил на Север Тюменской области. Пять дней околачивался на вокзале небольшой станции. Как-то подфартило спрятаться в закрытом товарном вагоне. Куда следовал товарный поезд, он уже плохо соображал, так как ослаб от постоянного голодания. Деньги, как ни экономил, закончились. На последние гроши купил сладкого чаю, заполнил термос и теперь все, что имел – это пару сухарей и этот чай. Проспав ночь, очутился

на забытой Богом станции, вагоны загнали в тупик, и скиталец вынужден был покинуть временное пристанище.

Пойти к жилым домам, попросить хлеба у первого встречного? Он рискнул: мир ведь не без добрых людей. Шел вдоль простых улочек тихой станции в надежде встретить такого человека. Была середина июня, а здесь на Севере только готовились к посевной. Пахло прелыми листьями, влажной почвой и кострами. Кольча вдруг ощутил острый прилив ностальгии по крестьянской работе. От досады на глазах выступили слезы. Наконец, он увидел копающуюся в огороде пожилую женщину, негромко окликнул:

– Мамаша, не найдется ли у вас хлеба?

Женщина обернулась, внимательно взгляделась в лицо путника:

– Закусить, что ли, нечем?

– Как сказать, – замаялся Кольча, – со вчерашнего дня не ел.

Женщина тяжело вздохнула, направилась в домик, кинула через плечо:

– Подожди здесь.

Вышла она вскоре. Подала небольшой газетный сверток. Кольча поблагодарил женщину. Она опять очень внимательно посмотрела на него. Его мучило от голода. Он тут же развернул газету, впился зубами в ломоть черного хлеба.

– Может, водички еще вынести? – сочувственно спросила женщина.

– Спасибо, у меня есть немного чаю.

Он жадно поглощал на скамье у забора пищу: хлеб, вареные яйца и кусочек селедки. Не экономил,

решил наесться, чтобы набраться сил. Не заметил, как женщина, тихо вышла за калитку, присела рядом, просто сказала:

– Ты ешь, ешь, я ведь подумала, что на закуску для выпивки просишь, а ты, видно, и впрямь голодный. Сам-то откуда?

Кольча коротко рассказал о себе и своих приключениях. Женщина горестно покачала головой:

– Да, в России много теперь обездоленных людей. Дальше-то куда думаешь?

– Пока не решил. Не слыхали, может, кому работник требуется?

– Ты если не уедешь, приходи часам к шести вечера, может, сын мой что-нибудь посоветует. Постучишь у калитки.

Кольча поблагодарил добрую женщину, направился на вокзал. Выяснил, что поезда останавливаются здесь редко. Еще послонявшись по станции и осведомившись у прохожего о времени, направился в сторону домика, где ему не отказали в помощи.

На этот раз вышел молодой мужчина. Побеседовали. Мужчина предложил:

– Хочешь на дачных участках поработать? Жить будет где.

– Конечно, хочу! Я на любые условия согласен.

В этот же вечер его привели в небольшое дачное общество.

Устроили на ночлег в маленьком домике-сарайчике. На следующий день Кольча ремонтировал изгородь, копал огород. К обеду пришла хозяйка – вчерашняя женщина, принесла хлеб, горячие щи.

Весь остаток июня Кольча проработал на участках по найму. Уже все жители знали, что можно положиться на тихого, исполнительного работника. За работу, в основном, кормили, денег удалось собрать лишь скудную сумму. Вскоре на собрании дачного общества, посоветовавшись, решили предложить работнику место сторожа в небольшом домике. Кольча, не раздумывая, согласился.

В сторожке имелась небольшая печурка с плитой и кое-какая кухонная утварь, топчан с постелью и маленький черно-белый телевизор. По вечерам готовил немудреную похлебку, смотрел телевизор. Вот тогда он впервые увидел и узнал о передаче «Жди меня» на первом канале. Один душещипательный сюжет пробрал его до слез. Кольча не спал всю ночь, раздумывая над тем, как бы и ему сделать заявку на передачу. А на другой день запил горькую, просадив на покупку спиртного одну треть заработанного. Теперь он жил от пятницы до пятницы, в надежде вновь увидеть передачу. Так продолжалось уже пятый год.

ДАЛЬНОБОЙЩИК

Однажды Кольча поделился своей мечтой о возвращении на родину с молодым парнем-дальнобойщиком. Что для осуществления мечты ему нужно попасть на Казанский вокзал к киоску «Жди меня».

Тот пошутил:

– Копи деньги, дядя Коля, так и быть, пойду в рейс на Волгоград, доброшу. А там тебе рукой подать до Москвы.

Кольча потерял покой, суетился, бегал в поисках любой работы по дачному поселку, соглашался на самый малооплачиваемый труд. Выстирал и починил одежду.

Зимой по первому снегу знакомый парень заглянул в сторожку:

– Ну, что, дядь Коль, бери расчет, послезавтра выезжаем. А может, передумал?

– Что ты, что ты?! – взмолился Кольча. – Я уж денежек на дорогу скопил, не задарма, все оплачу.

– Я, дядь Коля, и без твоих денег обойдусь. Только ты не дело задумал. Никуда я тебя не повезу. Ты только подумай: до Москвы пять тысяч километров, а прок-то какой? Ну, доберешься ты до этого киоска, сделаешь заявку, а сам-то потом куда? Опять бродячую жизнь поведешь?

– Как-нибудь перебьюсь, – неуверенно отозвался Кольча.

– А до дома тебе от силы тысяча километров. Не проще ли туда добираться?

– Паспорта у меня нет, да и вообще никаких документов.

– А письмо написать ты не пробовал?

– Письма писать надо было раньше, – как-то совсем обреченно ответил Кольча. – Там, поди, в деревне уж никого не осталось.

– Ладно, дядь Коля, не буду тянуть кота за хвост. Мы с женой давно сделали запрос на тебя. В понедельник позвонили из Москвы, сказали, чтоб смотрели эфир в эту пятницу. Давай-ка, включай телевизор, скоро начнется.

Кольча включил телевизор, подсел к самому экрану и стал напряженно всматриваться.

Вскоре началась передача.

Парень сел в стороне, стараясь ничем не обнаруживать своего присутствия. Он видел, как на виске у сторожа пульсирует синяя жилка. А когда после очередной рекламы начался сюжет о том, что некая Майер Анна Гордеевна, проживающая в Германии, разыскивает своего брата – Амосова Николая Гордеевича, лицо дяди Коли исказила жалкая гримаса, руки затряслись, из глаз ручьем потекли слезы. Между тем на экране появилась приятная женщина, она просила брата откликнуться. Рассказала о том, как он уехал на заработки двадцать лет назад и пропал без вести.

– Особые приметы брата: светлые волосы, голубые глаза, он очень добрый, совестливый, отзывчивый человек. В детстве его называли Кольча Красное Солнышко. У меня сохранилось несколько его фотографий, – говорила женщина с экрана. – Я храню Свидетельство его рождения. Коленька, милый братик, отзовись! – просила и она. – Если ты попал в беду либо в какую-то другую сложную ситуацию, отзовись, тебя ждут все – Степан, Михаил, Лидия. Наш Боря, к сожалению, ушел из жизни. Оставь свои координаты в передаче «Жди меня».

Сюжет сменился, а Кольча все не мог прийти в себя. Из уст его вылетали несвязные, едва понятные фразы:

– Анюта, сестренка любимая! Красное Солнышко, – он ворошил свои неопределенного цвета волосы. – Боря умер – вот беда-то какая! Ах, ты, Нюта-Анюта! Да уж! Да как же так?!

Потом, будто спохватившись, осмысленно уставился на гостя:

– Метрики, говорит, сохранила! Ты понимаешь, метрики?! Это же меняет все! Паспорт! Теперь я паспорт смогу получить! И домой поехать! Слышишь, парень, домой!

– Вот и я о том, зачем в Москву

ехать?! Вот отхлопочешь себе паспорт и поедешь, куда вздумаешь!

– Ах, ты Ньюта-Анюта! – все повторял Кольча дорогое имя сестры.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Он, Кольча Красное Солнышко – Николай Гордеевич Амосов, неопределенного возраста человек, без определенного рода занятий и места жительства, ехал домой! Домой, там, где родился и вырос, где окончил среднюю школу, откуда ушел в армию. Где похоронил родителей на деревенском погосте, где оставил семью сестры Анны, любимую Наташку и Коленьку, а еще светлую, добрую память о себе. Сколько лет мечтал он об этом событии, сколько бессонных ночей провел, веря и не веря, что эта его мечта осуществится. Сколько раз видел он во сне отчий дом, родную деревню, мать, крестящую его. Наташу – мимолетное счастье и большую, единственную любовь в своей жизни.

И вот, наконец, он ступил на родную землю. Неверной походкой тронулся в сторону улицы своего детства и отрочества. Ноги сами несут его в нужном направлении, только вот дома стали какими-то низкими, неузнаваемыми. Жамкало сердечко, теснило болью: «Видно, не один я горе мыкал, и тебе досталось тут без меня?!» Добрел до детского сада. Да, он признал это белое каменное здание, и солнце, его солнце, до сих пор красуется на фронтоне. Свернул на обочину дороги, пошел вдоль забора. Вот сейчас он увидит все, что постро-

ил тогда в свое последнее лето в деревне. Ну, так и есть: сохранились лошадки на качелях, только у лебедей сломлены шеи, а вон и ракеты. Краска на них поблекла, выгорела, но все так же контрастно выделяются красные звезды и надпись «СССР». Союз Советских Республик канул в лету, а надпись, много раз старательно подкрашенная красной краской, осталась. Только что-то не слышно звонких детских голосов с территории. Может быть, сон-час в группах?

Тишина в деревне. Просто какая-то пугающе-мертвая тишина! Ни одного прохожего, встречного на пути. Робкая, маленькая надежда шепчет: «Может, это только тут, в центре такое разорение?» Но следуя дальше, Кольча все так же дивится разительной перемене, произошедшей на его родине. Вот и родная улица, дома узнаваемые, а иных уж нет.

Вот дом и усадьба сестры Анны и зятя Виталия. Видно, что теплится еще здесь жизнь, но уже не тот уклад, какой был заведен у Виталия Маебра. Нет порядка на усадьбе: захирели надворные постройки. Облупились стены дома, давно не крашены ставни и ворота, вдоль забора лопух да полынь хозяйничают.

Вот и дом родной. Прохудившаяся, покосившаяся изгородь,

калитка нараспашку, пустая собачья будка во дворе, густо заросший двор, даже сквозь ступени крыльца проросла трава. Давно неокрашенная крыша поросла мхом и лишайником. Порухенные, пришедшие в негодность некогда добротные надворные постройки. Вольготно лишь бурьяну из полыни, лопуха да лебеды. Окна глухо запечатаны досками. Дверь в дом не заперта на замок. Жалобно скрипнула она проржавелыми петлями, когда Кольча, отворив ее, вошел внутрь. Горбом выгнулись половицы. Первое, что бросилось в глаза в полутемной комнате – опрокинутый стул Коленки. Слева жалкая кучка кирпича на месте русской печи. Комок встал в горле, не проглотить. Кольча выскочил из домика, стал отчаянно искать по усадьбе хоть какой-нибудь штырь, лом или крепкий кол. Нашел ржавую лопату с обломанным черенком. Подсывая резец штыка под торец досок на окнах, стал выдирать их с остревением, вкладывая в свои усилия все свое отчаяние, досаду и боль. Сыпались из-под досок воробьиные гнезда. С чиликаньем вылетали растревоженные птицы из-под крыши, будто дивились: «Кто объявился на давно заброшенной усадьбе?» Из-за кустов полыни зыркнули на него настороженные зеленые глаза. Кольча пригнулся, рассмотрел матерого рыжего кота. Обрадовался первой живой душе, встретившейся на родине. Подманил, приласкал, взял на руки. Несколько успокоившись, снова вошел в дом. За эти несколько минут пребывания на родной усадьбе он уже решил, что будет проживать здесь и только здесь. Выкладет печь, отремонтирует дом, расчистит

двор, огород. Мало он мотался на чужбине без прав, без прописки? А тут все-таки кров родной!

– Иди, Вася, знакомься с новым жильем. Новоселье будем справлять.

Кот спрыгнул с рук, медленно побрел по комнате, распушил усы, приняхивался, обернулся, призывно мяукнул, будто пригласил хозяина: «Иди за мной».

До полудня Кольча бился на усадьбе, пытаясь навести хоть какой-то порядок. Как ни старался он обойтись своими силами, пришлось обратиться к землякам. На порушенной усадьбе ни топора, ни молотка, ни ведра, одна ржавая лопата, и та негодная. Побрел вдоль улицы и наконец увидел на скамье у калитки дома стариков Зуевых. Подошел ближе, не без труда, но узнал изрядно постаревших, изработанных земляков. Поздоровался, назвался:

– Кольча я, Красное Солнышко, Гордея Амосова сын.

Старики согласно закивали:

– Помним Гордея, как не помнить. И тебя помним.

Кольча слушал стариков и убеждался, как много воды утекло тут без него.

– Совхоз распался: пахотные земли поделили на паи. А какая нам с тех паев польза?

– Дойный гурт под нож пустили. Всю имеющуюся сельхозтехнику продали, на металлолом сдали.

– Элеватор разобрали, зерносклады сами завалились.

– Все немцы в Германию убрались.

– Однако, и ваша Аннушка тама.

– Слышал, скучают там многие!

– А ну-ка, дерево с корнями выдерни и пересади в другое место!

– Тут наши предки похоронены, тут вся жизнь прошла. Разве легко глядеть, как все летит в тартары?!

– Отрывают крестьянина от земли, а жрать чего будут?

По очереди говорили старики, будто вели полемику между собой.

– Пилорама, столярка сгорели. До чего, брат ты мой, дошло: умрет кто, домовину заказать в деревне негде, надо в район ехать. Могилку, и ту выкопать некому. Молодежь, что осталась, спивается, путевые в город бегут. В деревне старики немощные остаются, да те, кому податься некуда.

– Опять же воровство! Раньше на селе такого не было: прут все, что плохо лежит, скотину, и ту воруют.

– Так это ж наезжий люд, дед! Ране люди в деревне дружно, ладно жили, потому как испокон на своих землях, ишо нашими дедами обжитых. А теперя чужаки – перекати поле. Рази им жаль не свое?

Поведали старики и о пожарах, слизавших полсела.

Теперь и к пожарам селяне стали равнодушны. Разве что поглядеть придут, полюбоваться на огонь. Ждут равнодушно, успеет ли пожарка – единственная полуразвалившаяся техника, оставшаяся на селе.

– А какой бывалоча порядок был у Гордея Ивановича в лесном хозяйстве! Теперя все заброшено. Санитарной вырубки деревьев нет. В лес ходить стало опасно, бурелом один на пути, валежник, того и гляди ногу сломишь, али на тебя худая лесина упадет. Опять же пожару разгул – займись красный петух, все слижет! И деревня в головешки превратится!

– Свят, свят! Пронеси тучу мороком! – истово перекрестилась соседка.

Только один вопрос задал Кольча:

– А детский сад работает?

– Работает пока. Ребятишек там с десятков человек наберется ли. Родить-то кому, милай? Разве нам, старикам, в тот сад податься? В аккурат будет – дедсад – сад для дедов!

Невеселый разговор получился с земляками. Понутив голову, Кольча поплелся в конец улицы, затем дальше, за деревню в поле. Миновав небольшой взгорок, увидел, как тихо плещет на ветру ветви белоствольная березовая рощица на деревенском погосте. Вот где нашел он исчерпывающие ответы на многие вопросы. В его отсутствие многие земляки нашли здесь вечный приют. Побывав на могиле родителей, Кольча несколько утешился. Прибрано, ухожено, значит, все-таки кто-то из родных бывает иногда. Тихо побрел обратно, поминутно останавливаясь и читая надгробные надписи. Молодых сколько, его ровесников и того больше! Уже на выходе вновь остановился как вкопанный. Ах, какое родное, знакомое лицо:

– Нагорная Октябрина Михайловна, – невольно, вслух прочитал Кольча.

Он всегда отождествлял Октябрину Михайловну по ее духовности, русской стати с Людмилой Зыкиной – олицетворением матери, Родины, душой русской песни. Бог не дал Октябрине Михайловне родных детей, но весь свой талант, широту русской души, доброту и сострадание она без остатка отдала чужим детям. И они, куда бы ни разбросала их судьба, помнят своего наставника, и каждый

поклонится, проходя мимо этого надгробия.

Этот человек не напрасно прожил свою жизнь. А вот он, Кольча, для чего коптил небо? Что останется после него на этой земле? Почему, гонимый судьбой ли, обстоятельствами, он только теперь, убеленный сединами, кажется, обретает душевный покой?

И сколько таких еще, несчастных, обездоленных, русских Иванов? Кто спас Европу от фашистской чумы? Иван! Кто вечный сеятель и хранитель земли русской? Иван! Кто, несмотря на все пронесшиеся над Россией невзгоды, сохранил свою духовность? Иван! Так неужели ему от веку ходить в лаптях и слыть дураком?
